

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

Мировая премьера сочинения молодого композитора Алексея Ретинского «Камилла», навеянного судьбой и творчеством Камиллы Клодель, тоже превратилась в перформанс: хореограф и танцовщица Анна Гарафеева, используя пластическую технику буто, показала, как её героиня мучительно создаёт себя — скульптор, модель и творение в одном лице. Жаль, что история плохо рифмовалась с жёстким электронным саундом, а пластический приём и мысль были явно недостаточны для спектакля продолжительностью час с лишним.

Впрочем, Алексей Ретинский, как оказалось, может писать не только электронную музыку, как показал ночной концерт хора MusicAeterna... Но здесь мы затрагиваем уже иную тему.

Ночи и дни

Именно в таком порядке — «Ночи и дни», не наоборот. Ночь — главное время на фестивале, именно ночью исполняются лучшие камерные концерты, ставшие «фишкой» и традицией Дягилевского фестиваля. Культовый статус и небольшое количество мест в Пермской художественной галерее сделали ночные концерты здесь чуть ли не легендой. Это действительно прекрасно и незабываемо: быстрый проход публики через тёмные музейные залы, подъём под купол, к «пермским богам», торжественный выход хористов в тёмных балахонах — и никаких аплодисментов.

Хор MusicAeterna исполнял духовные песнопения Алексея Ретинского *Salve Regina* и *Regina Coeli*, но начали с сочинения композитора XII века Хильдегарды фон Бинген, может, чтобы показать корни в современной духовной музыке, подчеркнуть традицию. Действительно, традиция в хоровых произведениях Ретинского, где солисты перекликаются, как птицы, а современная перкуссия звучит, как церковные колокола, сильна и удивительно сочетается с новыми находками. Ночные залы Пермской галереи — наилучшее место для исполнения этой музыки, равно как и для минималистических произведений Арво Пярта, которые прозвучали на концерте постоянного участника Дягилевского фестиваля — Московского ансамбля современной музыки.

А потом — кофе и рассвет на Каме...

Главные события в Доме Дягилева тоже происходят ночью: здесь каждый год фестивальная публика возлежит на коврах и подушках во время традиционного *Piano-gala* — концерта-энигмы, программа которого становится известна только после окончания. Обычно пианисты — участники события выходят по очереди и играют, что хотят, но на сей раз в зале сто-

яло сразу четыре рояля, и Алексей Зуев, Александр Мельников и Вячеслав Попругин под руководством профессора Алексея Любимова два часа исполняли некое произведение в восемь рук. Произведение было отчаянно минималистическое и казалось бесконечным; неожиданный финал — без всякого намёка на код — лишь подчеркнул его принципиальную цикличность и нескончаемость: можно было бы продолжить и дальше, а можно было оборвать гораздо раньше...

Как выяснилось, играли *Canto Ostinato* Симеона тен Хольта, и заинтересованная публика охотно осталась во втором часу ночи вместе с музыкантами порассуждать о творчестве композитора.

Минимализм был главным стилем на большинстве концертов фестиваля. Произведения Альфреда Шнитке и Павла Карманова звучали наряду с опусами Моцарта и других классиков на концерте *Chamber Musica Aeterna* — ещё одном концерте-энигме, настоящем ребусе для слушателей-знатоков, которые пытались определить, что же всё-таки звучит. Моцарта-то сразу определили, а вот Карманова приняли за кого-то из американских минималистов.

Впрочем, как и положено на Дягилевском фестивале, музыка звучала самая разная: старинная, этническая, романтическая, хоровая, джаз, госпел, техно, диджейские сетлы... Фестиваль — он для всех, лишь бы не было лень не спать ночью.

Однако и здесь нашёлся компромисс: впервые у зрителей фестиваля появилась возможность послушать музыку и одновременно выспаться. Композитор Николай Скачков и альтист Сергей Полтавский несколько ночей подряд играли с 23:00 до 07:00 в концертном зале отеля «Урал», где вместо кресел были установлены кровати. Зрители спали, судя по отзывам в соцсетях, крепко и с удовольствием.

Если ночь — время серьёзной музыки, то день — время фестивального клуба. Четвёртый год подряд на площади перед театром воздвигается этот шатёр, где собираются взрослые и дети, чтобы творить, общаться, веселиться и развиваться. В этом году, согласно официальной статистике фестиваля, здесь 578 человек спаслись от дождя и бури, было съедено 300 фирменных десертов и 77 человек покатались на фестивальных велосипедах. Один даже научился ездить на велосипеде. «Это принципиально важно, — считает глава пресс-службы Пермского театра оперы и балета Василий Ефремов. — Мы развиваем публику в разных направлениях!»

То, что в Перми происходит нечто неповседневное, могли понять даже люди, далёкие от искусства: то тут, то там между зданиями, над тротуарами и площадями протянулись пластиковые стру-

Сцена из хореографического спектакля «Не спать!»

ны, светящиеся в темноте. Художники из Санкт-Петербурга Алёна Коган и Вадим Гололобов назвали свою глобальную инсталляцию «Экспериментальное подтверждение теории струн». Несколько позже из того же материала художники создали на площади перед Пермским театром оперы и балета объёмный знак — логотип Сбербанка в благодарность за всё, что банк сделал для фестиваля: будучи генеральным спонсором события, он не только профинансировал многие творческие проекты, но и устроил праздник для зрителей, которые получали от банка маленькие подарки.

Выход в завод

Финал фестиваля, его главное событие — концерт фестивального оркестра, который уже пятый год подряд играет симфонии Густава Малера. Впервые в истории фестиваля симфония — на сей раз Четвёртая — была исполнена дважды: основному концерту предшествовало *Preview*, прозвучавшее в цехе №5 завода им. Шпагина. Это не просто музыкальное событие — это символ новой мечты Перми, и он был заявлен очень внушительно. Прекрасный дворик завода, удивительная территория (публика бросилась делать селфи на фоне железнодорожных дрезин), фантастический антураж — и в нём исполняется феерическая программа, специально составленная для этого случая: прежде чем приступить к Малеру, сыграли два современных опуса — *If I die... she said* Андреаса Мустюкиса (2017 год, российская премьера) и *Ghb/Tanzaggregat* Марко Никодиевича (2011 год); первый — лирический минимализм с красивейшим скрипичным дуэтом, второй — абсолютный индастриал, где каждый инструмент учится говорить на новом языке, а перкуссия просто рулит.

Акустика в цехе была... сказать, что сложная, — значит сильно преумень-

шить, но подзвучка была сделана мастерски, иначе Курентзис не согласился бы играть. И всё же лишь на следующий день стало понятно, насколько лучше звучит Малер в исполнении фестивального оркестра, когда тот играет в акустическом зале!

Песенно-танцевальная, активно цитирующая романтиков, музыку барокко и народные мелодии симфония прозвучала, как и ожидалось, не просто безупречно, но с каким-то магическим качеством, которое не так-то просто определить словами. Курентзис и его музыканты (изучать состав оркестра, радоваться узнаванию имён приглашённых музыкантов — отдельное удовольствие на таком концерте) волшебным образом проявили все мелодические составляющие, подчеркнули все коллизии этого сложного музыкального сюжета, а подлинной героиней, принцессой и феей вечера стала певица Анна Лючия Рихтер, солировавшая в заключительной части симфонии. Её светлое, почти детское сопрано, выразительная мимика и нежный внешний облик создали тот образ небесной красоты, который композитор мечтал воплотить в своём сочинении.

Она же вместе с баритоном Флорианом Бёшем в первом отделении концерта солировала в вокальном цикле того же автора «Волшебный рог мальчика», что логично: финал симфонии цитирует одну из его песен.

Концерт был длинный, но без «биса» не обошлось: сыграли *Ghb/Tanzaggregat* Марко Никодиевича из «заводской» программы, и даже та музыка, которая, казалось бы, самой своей природой предназначена для исполнения в индустриальном антураже, прозвучала гораздо эффектнее в театральном зале. Звуковая гармония, помноженная на бешеную энергию дирижёра и его музыкантов, создала образ искусства, которое сносит горы. Фестиваль завершился не точкой, а восклицательным знаком.

